

СПАСИТЕЛЬ

Однажды я совершил глупость.

Я попытался сосчитать, сколько мертвых младенцев держал в своих руках.

Этой ночью они пришли ко мне во сне. Серые младенцы. Синие младенцы. Обмякшие тельца. Окоченевшие тельца. Крупные младенцы, маленькие, безобразные, милые. Младенцы в подгузниках. Младенцы в крохотных платицах с розовыми бантиками. Младенцы, почерневшие от пожара, побелевшие от переохлаждения. Младенцы, о которых я не могу писать, потому что это слишком ужасно.

Я верчусь в постели. Я не могу спать.

И в следующее же дежурство у меня был еще один мертвый младенец.

Визжат тормоза. Я поднимаю глаза и вижу, как во двор влетает автомобиль. Машина старая, «шеви нова». Грязная, помятая машина зеленого

цвета. В ней полно народу. Машина тормозит и останавливается. Она чуть-чуть покачивается — подвеска давно сломана и стала бесполезной. Открывается правая задняя дверь. До меня доносятся звуки песни Scorpions «Rock You Like a Hurricane» — стерео в машине включено на полную громкость. Из машины выходит девушка и останавливается. Ей за двадцать. Руки у нее длинные и тонкие, как лапки паука. Я замечаю следы уколов на обеих руках — длинные линии небольших черных шрамов.

Кожа на руках девушки покрыта струпьями и оспинами. Она наркоманка, ширяльщица, кислотница, торчок.

Я сразу понимаю — она сидит на метамфетамине.

Об этом говорит все. Типичная наркоша. Острый маленький носик на ее лице словно бросает вызов окружающему миру. В носу я замечаю ярко-оранжевое кольцо. Четыре пластиковых сережки украшают левое ухо и еще пять — правое. Все сережки разноцветные — как маленькие радуги. Девушка гримасничает. Зубов у нее почти нет.

Метамфетаминный рот — так мы это называем.

Спутанные волосы неряшливыми прядями свисают с головы. Когда-то они были светлыми, но от грязи почернели. Я вижу, как она наклоняется

к заднему сиденью. Сальные пряди закрывают лицо. Она поворачивается и встряхивает головой. Волосы разлетаются, как одежда танцующего дервиша.

Сердце у меня начинает колотиться быстрее. Я уже знаю, что она взяла с заднего сиденья такой машины в такой день.

Сердце у меня начинает колотиться быстрее. Я шагаю к входным дверям. Сенсор ощущает мое приближение, и двери распахиваются. Я уже знаю, что она взяла с заднего сиденья такой машины в такой день.

Мужские руки подают ей маленький сверток, завернутый в голубое одеяльце. Мужчину я не вижу. Девушка хватает сверток, что-то кричит водителю. Словно отвечая ей, ревет двигатель, машина срывается с места, ее окутывают клубы черного дыма. Задняя дверь захлопывается, и машина исчезает.

Девушка этого не замечает. Она уже бежит ко мне. Одеяльце разворачивается и падает на землю. Я смотрю, что у нее в руках. Это не сверток. Это то единственное, чем только и может быть.

Младенец.

Мертвый младенец.

Серый безжизненный младенец.

Она несет его на руках, как батон черствого хлеба. Неловко поддерживает затылок ладонью, тельце ребенка лежит на ее покрытой шрамами и струпьями руке. Она бежит, а маленькие ручки и ножки болтаются, словно у тряпичной куклы.

Еще есть надежда.

Тельце еще не окоченело.

Она сует ребенка мне в руки. Тельце еще теплое. Надежда не умерла. Я вбегаю в смотровую, девушка следует за мной.

— Вызывай реанимацию! — кричу я, пробегая с безжизненным тельцем на руках мимо стола.

— Розовый код, вторая смотровая! Розовый код, вторая смотровая! — раздается над головой голос секретаря.

Я кладу серое тельце на белую простыню. Ручки раскинуты в стороны — маленький Иисус на кресте. Темно-зеленые глаза, не моргая, смотрят в потолок смотровой, словно младенец застыл в изумлении перед жестокостью жизни.

Он не дышит.

Пульса нет.

Это мальчик.

У него большой, круглый, напряженный живот, милительные толстенькие пальчики и ножки.

Кожа у него гладкая — если бы не серый цвет, она казалась бы совершенно здоровой. На голове блестящие черные волосики, как маленькая шапочка. Понятно, что кто-то хорошо ухаживал за этим ребенком.

Новая надежда.

Маленькое тельце лежит передо мной. Ребенок не движется, не дышит. Проходят секунды ожидания — ожидания наших действий. С чего начать, когда перед тобой мертвый младенец? С массажа сердца? С искусственного дыхания? С проверки уровня сахара? С внутривенного катетера, чтобы ввести лекарства? С проверки на травмы или на синдром детского сотрясения? С оценки состояния кожи? С измерения температуры?

Ответ: да.

Начать нужно со всего этого.

Молодая медсестра обхватывает грудь младенца. Большими пальцами она начинает нажимать на грудину — так реанимируют младенцев. Я замечаю, что ногти у нее покрашены в разные цвета — красный и синий. «Как это удивительно», — думаю я.

Цветные ногти ритмично движутся вверх и вниз, надавливая на грудь младенца. Раз-два, три-четыре, пять-шесть, семь-восемь, де-

вять-десять. Сестра считает вслух с каждым нажатием:

— Раз-два, три-четыре, пять-шесть, семь-восемь, девять-десять.

Младенцы рождены, чтобы выживать, несмотря на всю враждебность мира. Они — конечный продукт эволюции, созданный для выживания в мире, полном хищников. Хищники — это дикие звери, инфекции, родители-наркоманы, автомобильные аварии...

ременна. Я стараюсь не думать о том, каково ей реанимировать мертвого младенца, когда в ее животе живет собственное дитя. Но она профессионал. Она сосредоточена на своей работе. Она не отступает. Цифры слетают с ее языка.

— Раз-два, три-четыре, пять-шесть, семь-восемь, девять-десять.

Младенцы рождены, чтобы выживать, несмотря на всю враждебность мира. Они — конечный продукт эволюции, созданный для выживания в мире, полном хищников. Хищники — это дикие звери, инфекции, родители-наркоманы, автомобильные аварии... Вы сами знаете. Но младенцы сильнее, чем вы думаете. Стоит дать им шанс,

Голос у сестры сильный и четкий.

Никакой протокол не предписывает считать вслух. Но ты можешь сосредоточиться на цифрах, не думая о том, что крутится у тебя в голове. Сестра бе-

и они чаще всего находят способ уцепиться за жизнь.

Когда неожиданно умирают взрослые, то в девяти случаях из десяти у них отказывает сердце. У младенцев с той же частотой проблема заключается в дыхательных путях. Дыхательные пути обеспечивают младенца кислородом. Это его билет в жизнь. Массаж грудной клетки нормализует кровообращение, но без притока кислорода кровь — это всего лишь телесная жидкость, омывающая органы.

Я заглядываю младенцу в рот. Зубов у него нет, как у девушки, но десны блестящие и розовые, хотя уже и начали сереть. Я не вижу ничего, что блокировало бы дыхание.

Я смотрю на девушку. Она стоит под распятием, висящим над дверью. Скрестила руки на груди и вцепилась в плечи, обхватив себя. В ярко-белом свете смотровой я вижу сотни маленьких кратеров под струпьями. Ими покрыт каждый дюйм кожи девушки.

На ней черная футболка, слишком просторная для болезненно худого тела. На футболке изображение мультипликационного героя Йосемити Сэма с двумя пистолетами. Только это не пистолеты, а шприцы. Слова под картинкой поблекли и растрескались, но я все же могу

прочешь: «Колись с лучшими, умри с остальными». Йосемити Сэм улыбается. Девушка — нет.

— Что случилось? — спрашиваю я.

Девушка раскачивается взад и вперед, резко жестикулирует руками. Я узнаю гиперактивность напичканного метамфетамином мозга. Выброс адреналина еще больше усиливает моторику. По лицу девушки я вижу, что у нее возникает миллион мыслей в секунду. Секунды кажутся ей вечностью. Неудивительно, что метамфетамин называют «спидáми».

— Я не знаю... Я не знаю! Не знаю!

Она повторяет одно и то же, словно игла проигрывателя в ее мозгу попала на поврежденную дорожку. Она понимает, что говорит что-то не то. Руки она держит перед лицом, не касаясь ладонями щек. И вдруг пальцы ее сгибаются и начинают судорожно бегать по лицу, словно напитанная метамфетамином морская звезда, разыскивающая пищу на дне. Это было бы даже красиво, если бы не было так ужасно.

— Есть какие-то медицинские проблемы? Он доношенный? Вы были с ним у врача?

Я говорю, а руки мои движутся так же быстро, как и ее. Но мои движения осмысленны. Я распаковываю, достаю и собираю стальной ларингоскоп. На конце загорается лампочка. Инструмент готов к действию.

Мои вопросы возбуждают девушку еще сильнее.

— Я не знаю! — кричит она. — Я не знаю! Не знаю!

Она вырывает клоч волос, чтобы подчеркнуть правдивость своих слов. Ладонь у нее почему-то липкая, и волосы прилипают к ней. Это становится последней каплей. Девушка трясет рукой, пытаясь стряхнуть клоч волос, словно это ядовитый скорпион, вновь и вновь вонзающий в нее свое жало.

Она будто забыла, что у нее есть вторая рука, которой можно сорвать волосы с ладони. Она трет ладонь о спинку стула, потом вдруг падает на пол и опрокидывает стул и лоток с инструментами. Флаконы с лекарствами взмывают в воздух, как рой стеклянных пчел в летний день.

Девушка поднимается на ноги. С ладони свисают длинные, грязные волосы. Девушка видит мертвого младенца и вспоминает, зачем она здесь. Она замирает от ужаса. Мне хочется крикнуть ей: «Ты убила ребенка своей наркоманией! Ты, в своей футболке с Йосемити Сэмом!» Но я молчу. Я должен работать.

Я ввожу ларингоскоп в рот младенца и поднимаю язычок. Смотрю в горло ребенка. И тут я вижу крохотную красно-желтую пластиковую бусину — она зажата между голосовыми связ-

ками и полностью блокирует дыхательные пути, убивая младенца.

— Обструкция дыхательных путей, — громко произношу я.

Хватаю эндотрахеальную трубку № 4, специальную для младенцев. Трубка из прозрачного пластика чуть толще карандаша. Один ее конец можно подключить к дыхательному аппарату. Другой конец слегка скошен, чтобы пройти между голосовыми связками. Как только трубка будет установлена, воздух начнет поступать в легкие, а отработанный выходить.

Я сосредоточиваюсь на своей задаче, не обращая внимания на то, что происходит вокруг. Сейчас для меня во всем мире есть только маленькая бусина между связками. Все годы подготовки. Все бессонные ночи. Всё, что я есть, сейчас сосредоточено в этой крохотной пластиковой бусине.

Левой рукой я держу ларингоскоп, указательным и большим пальцами зажимаю эндотрахеальную трубку, как карандаш. Сейчас я вижу только ее. Я осторожно подвожу скошенный край к бусине.

Щелк.

Красно-желтая бусина освобождается. Я включаю отсос и вытаскиваю ее. Дело сделано.

Дыхательные пути открыты.

Я отступаю, хватаю фиолетовый дыхательный мешок и накладываю кислородную маску на лицо младенца. Я сжимаю мешок, нагнетая воздух в легкие. Кислород начинает насыщать кровь. Медсестра продолжает нажимать на грудь младенца, и кровь разгоняется по всему телу.

Я представляю, как крохотные гемоглобиновые солдатики бегут изо всех сил со свежими молекулами кислорода. Они перепрыгивают через другие клетки, срезают углы и ныряют в голодающие, умирающие, задышающиеся органы, доставляя все необходимое.

Медсестра нажимает на грудину большими пальцами. Она продолжает считать вслух. Лицо ее сосредоточено. Я понимаю, что этот младенец не умрет — не в ее смену.

— Раз-два, три-четыре, пять-шесть, семь-восемь, девять-десять.

И вот происходит нечто прекрасное. Маленький серый младенец розовеет. Розовеет. Это цвет насыщенной кислородом крови. Розовый. Цвет жизни. Розовый. Цвет солнца, поднимающегося над горами и несущего тепло и свет тем, кто погибает в снегу вдали от всех, кого любит.

Розовый.

Мы качаем воздух еще минуту.

— Остановись, — говорю я и проверяю пульс на шее младенца.

Сестра поднимает руки, но она готова тут же продолжить свою работу. Пальцы ее скрещены над грудью младенца. Маленькая грудь начинает двигаться, и я ощущаю пульс.

Он дышит!

На мгновение он замирает, а потом ручки и ножки начинают сгибаться и двигаться. Ротик раскрывается. Младенец делает глубокий вдох и начинает кричать, как кричат все младенцы, чтобы сообщить миру: они пришли.

Никогда не слышал ничего приятнее.

Я знал, что этот младенец выживет.

Тут с громким стуком распахивается дверь. Мы замираем. Дверь сносит два стула и ударяется о стену.

В двери стоит женщина. Она быстро осматривается. Ей тоже за двадцать, но на ней форма официантки из кафе «Тако Гарден». На зеленом фартуке я замечаю мелкие красно-желтые бусины — прямо над бейджиком на правой стороне груди.

Она видит младенца и кидается к нему. Подхватывает на руки и прижимает к себе. Она рыдает, а младенец кричит от радости, что жив. Маленькие ручки и ножки энергично

сгибаются и раскачиваются. Ребенок полон жизненных сил.

Женщина начинает укачивать младенца. Кожа ее рук чистая, гладкая, розовая и здоровая.

— Все хорошо, — твердит она. — Мамочка здесь. Все хорошо...

Мать поворачивается к девушке в майке с Йосемити Сэмом. Наркоманка отступает. Все тело ее подергивается. Она не может стоять спокойно. Мышцы лица вздрагивают. С ладони все еще свисают волосы. Но она смотрит матери прямо в лицо.

— Ты спасла моего младенца! Ты спасла моего ребенка!

Женщина подходит к девушке с руками, покрытыми струпьями. Слезы текут по лицу матери. Она протягивает девушке ребенка.

— Подержи его! Ты его спасла!

Мать поворачивается ко мне.

— Он подавился. Я была на парковке, на работе. Ключи случайно оставила в закрытой машине. А эта девушка, — она указывает на девушку-наркоманку, — она была в соседней машине. Она просто сидела там с друзьями. Я не знала, что делать, — женщина заплакала. — А она знала. Эта девушка, эта прекрасная девушка схватила моего ребенка, и ее друзья

Держи его за руку

привезли его сюда на своей машине. Они даже не стали ждать меня.

Мать утирает слезы.

— Но все хорошо. Все хорошо. Они сделали это для него. Она сделала это для него. Она спасла моего мальчика!

Я смотрю, как она протягивает ребенка наркоманке.

Она — Спаситель.
Мы называем таких людей
«Спаситель».

Девушка в черной футболке с Йосемити Сэмом берет ребенка и устраивает его по-

удобнее на своих исколотых руках. Она все еще не может стоять спокойно. Ноги ее движутся в странном танце, но руки любовно укачивают малыша, словно это ее собственный ребенок.

В ее глазах появляется свет.

Она смотрит на крохотного мальчика и улыбается беззубой улыбкой.

Младенец отвечает ей такой же беззубой улыбкой.

И я понимаю.

Эта девушка — герой, даритель жизни, защитник, благодетель, суперзвезда.

Она — Спаситель. Мы называем таких людей «Спаситель».